

событиям тех дней. 1 июня 1942 года более тысячи юношей и девушек Свободинского района были насильственно угнаны на принудительную работу в Германию. На 12-й день эшелон прибыл в Дрезден. Из распределительного лагеря группу в составе 60 человек направили в железнодорожный лагерь. Он находился в Старом Дрездене, на Фридрихштрассе, 12, в старом здании театра, в котором до войны играли в кегли, поэтому лагерь назывался Кеглергайм. Вместе со мной тяготы неволи разделили здесь и односельчане Дмитрий и Петр Проскурины, Егор Россинский, а также мои одноклассники — выпускники Свободинской средней школы 1941 года Александр и Андрей Горяиновы. Несколько раньше сюда пригнали свыше трехсот человек из Киевской и Полтавской областей.

Уже с первых дней пребывания на чужбине для подрыва у узников воли к сопротивлению вражеская пропаганда постоянно и настойчиво стремилась убедить их в том, что Родина отвернулась от них и предала проклятию. Среди нас было немало людей, поддавшихся воздействию чудовищной пропаганды и считавших вообще невозможным в условиях строжайшего полицейского режима вести борьбу с фашизмом.

Справедливо отметить, что тогда на борьбу поднимались главным образом самые отважные и самые сильные духом.

Внимательно изучая людей, я предложил Егору Россинскому, а затем Александру и Андрею Горяиновым продолжать борьбу вдали от Родины и создать подпольную патриотическую группу. Они поддерживали меня и назвали эту группу именем своей Родины — «СССР». Мои товарищи имели среднее образование, были политически грамотными и убежденными антифашистами. Здесь же каждый из нас на себе испытал звериную сущность фашизма.

Мы сначала присматривались к людям в лагере, к их взаимоотношениям, группировкам, на чем они основаны, исподволь, незаметно изучали их убеждения, отношение к сложившейся обстановке, одновременно вели патриотическую пропаганду, стремились развеять ложь, что Родина будто бы отказалась от нас, убедить каждого том, что, пока идет война, мы должны бороться здесь, быть стойкими, что лагерь — тоже фронт, и наша Родина ждет от каждого из нас активных действий, чтобы помочь Красной Армии, нашей освободительнице. Разумеется, наша работа была строго конспиративной, индивидуальной. Мы замечали, что людей, окрепших духом, становилось больше, хорошо

понимали, что работу придется вести в условиях повышенной опасности, поэтому продумали детали конспирации. Стали более глубоко и всесторонне изучать настроение людей. Этому способствовало то, что с первых дней пребывания в лагере люди объединялись по принципу землячества: односельчане, жители одного района, а затем и области, старались держаться вместе, поддерживали друг друга морально, физически и материально, дорожили мнением товарищей о себе. Самой прочной основой землячества явилось объединение односельчан, которые хорошо знали друг друга, это помогало нам вовлекать в подпольную организацию наиболее стойких, сильных духом патриотов, только тех, кого мы хорошо знали и были уверены в преданности Родине.

Вместе с тем мы внимательно присматривались к начальнику лагеря Фогту, его помощнику Иоганну Рипке (он же Вилли Зингер), к каждому охраннику лагеря, к мастерам и немецким рабочим, наблюдали за тем, как они относятся к нам, невольникам. Мы очень серьезно изучали дрезденский железнодорожный узел радиусом 20 — 25 километров и десятки фирм, разбросанных по всему городу и за его пределами, тесно связанных с железнодорожными перевозками. Мы имели возможность не только общаться со многими рабочими и нашими соотечественниками, обмениваться с ними информацией о положении на фронте и внутри Германии, устно распространять сводки Совинформбюро, но и присматривались к расположению железнодорожных станций, окрестностей Дрездена.

В начале января 1943 года Зингер перевел меня в группу уборщиков лагеря и определил мне участок работы: уборка двора, проходной, парадной лестницы, ведущей на третий этаж, и канцелярии, то есть путь, по которому проходили посетители к коменданту лагеря. Я хорошо понимал немецкий язык, однако скрывал это от немцев и слушал разговоры охранников, которые представляли определенный интерес для подпольщиков. Они же считали, что я знаю около десятка слов, связанных только с уборкой. Кроме того, в мои обязанности входила светомаскировка стеклянного потолка в большом зале.

В начале февраля 1943 года в Германии был объявлен трехдневный траур в связи с разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом. Поползли разные слухи. Мне очень хотелось самому узнать об этом из первоисточников, для этого необходимо было послушать Москву. Ведь почти месяц, каждый вечер, убирая в канцеля —